

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ (Интервью у Н.Ф. Демидовой взяли А.Ю. Клименко и Е.В. Пчелов)

Наталья Фёдоровна Демидова, доктор исторических наук, видный специалист по истории России, чьи работы в области сфрагистики, геральдики и эмблематики хорошо известны читателям «Гербоведа» – одна из старейших выпускниц Историко-архивного института. Мы попросили её поделиться воспоминаниями об институте и кафедре вспомогательных исторических дисциплин в начальный период их истории. В рассказе Натальи Фёдоровны оживают интересные страницы институтского прошлого, возникает живое, яркое впечатление о преподавателях, сотрудниках и студентах, о кафедрах и об институте в целом, сильно изменившимся с тех пор...

Е.П.: Наталья Фёдоровна, начиная наш разговор об Историко-архивном институте конца 30-х – 40-х годов, хотелось бы вспомнить тех, кто создавал кафедру вспомогательных исторических дисциплин. И первым именем, наверное, должно быть имя профессора Александра Николаевича Сперанского. О нём как-то мало теперь вспоминают...

Н.Ф.: Да, вы знаете, Сперанского несправедливо забыли, а ведь собственно именно он создавал кафедру, причём умело формировал преподавательский состав, именно он привёл туда Николая Владимировича (Устюгова – А.К.), из какого-то, Бог знает из какого, учреждения. Ну и кроме того он был и прекрасный лектор, и историк-исследователь. Мне всегда обидно, что он не очень много написал, он считал, что печатать можно тогда, когда уже всё устоялось, когда работа вся сделана. А тогда ведь не очень печатали... Именно Сперанскому принадлежит создание общей структуры курса вспомогательных исторических дисциплин. Он написал первые спецкурсы, получившие потом детальную разработку. Александр Николаевич был также превосходным воспитателем молодых историков. Он пользовался устойчивой славой руководителя, аспиранты которого защищают диссертации без опозданий и вполне успешно. С самого начала я его не очень хорошо знала, потому что влилась в кафедральную среду, когда была в аспирантуре... Это уже было в войну... А вот то, что было в начале истории кафедры, хорошо знала Елена Ивановна Каменцева, она и диссертацию на кафедре защищала, вы знаете, по крестьянству, а совсем не по вспомогательным... Почему так, трудно сказать... Так что она всё время там была. Я же знаю кафедральные дела собственно позже, с 1943 года.

Е.П.: Сперанский уже умер к этому времени?

Н.Ф.: Сперанский уже умер.

Е.П.: Он когда скончался? В 1942 или в 1943?

Н.Ф.: Надо посмотреть, у Елены Ивановны ведь есть статья о нём. Причём умер он не очень хорошо, потому что раньше его умерла жена и он... я не знаю, как это получилось, но он в общем беспризорным остался... Говорят, он голодал сильно, хотя его смерть была неожиданной, но ведь военное время было, действительно тяжёлое время...

Е.П.: А Сперанский жил ведь в институте?

Н.Ф.: Точно не знаю. Я знаю, что Павел Петрович Смирнов в институте жил.

Е.П.: Как раз где кафедра сейчас, вот в этом углу. Нет?

Н.Ф.: В противоположном.

Е.П.: А где?

Н.Ф.: Когда вы входите во дворик, то нужно идти направо, там в углу лестница, и Павел Петрович жил на втором этаже, направо, в большой комнате.

Е.П.: Это там, где сейчас библиотека, наверное...

Н.Ф.: Библиотека, по-моему, была выше. У него там стеллажи такие громадные стояли... Я помню праздновали его награждение сталинской премией, которую он, конечно, передал для фронта, хотя деньги ему не помешали бы. Но это было уже позже...

Е.П.: А вот в институте где что находилось в то время, когда Вы учились?

Н.Ф.: Всё было совершенно не так. Когда мы пришли учиться (в 1938 г. – А.К.), второй этаж занимало ГАУ (Главное архивное управление – А.К.), туда можно было пройти, поднявшись по лестнице от второго, правого входа в здание института. Но Архивное управление быстро перевели во вновь построенное здание... Там, где сейчас главная лестница ведёт на второй этаж, были отгорожены две комнаты. Как раз там, где дверь сейчас прорублена (во двор – Е.П.), была комната или месткома, или комсомольской организации. Выше, в лестничном пролёте была ещё одна комната, одно время там кто-то жил, а потом в ней сделали гардероб. Двери с улицы были обе открыты, и та, и другая, правда, вторую, дальнюю прикрывали, но и она более-менее функционировала. На втором этаже, как идти к вашей кафедре (ИВИД – А.К.), при повороте на лестницу во двор, тоже была жилая комната.

Е.П.: А 6-я аудитория была, этот наш главный зал?

Н.Ф.: Нет, в моё время она была перегорожена. В глубине находилась библиотека с одним окном, к которой вёл узкий коридор. Он кончался окошком для выдачи книг. А по сторонам коридора располагались: с левой стороны – читальный зал, а с правой – бухгалтерия. Главная аудитория института была слева от входа.

Е.П.: Т.е. нынешняя 1-я... Правда, там теперь не аудитория, а какие-то дегустации (!) проходят... А вход с Никольской, который сейчас справа, теперь закрытый, куда вёл?

Н.Ф.: Он прямо поднимался лестницей на второй этаж...

Е.П.: А во двор через ворота входили?

Н.Ф.: Во двор через ворота не входили почему-то... (оказывается, давняя традиция! – Е.П.). Они были закрыты, но действовали. В них была калитка. В какие-то нужные моменты ворота открывали. И окошечки туда с первого этажа были.

Е.П.: Значит во двор входили через первый вход и спускались по лестнице вниз? (лестница, которую сейчас заложили – А.К.).

Н.Ф.: Да, там тоже когда-то был гардероб, потом был вход в столовую (она была, как и позже, в подвале – А.К.).

А.К.: А какая у вас была столовая?

Н.Ф.: Она была со сводами... Довольно мрачное помещение. Там было несколько залов, два или три.

А.К.: А в плане еды?

Н.Ф.: Ничего особенного не было, единственное что я помню, это какие-то свекольные кушанья, винегрет, котлеты, пюре картофельное... Всё было дешево.

Е.П.: А где находилось студенческое общежитие? Оно ведь тоже находилось в здании института?

Н.Ф.: По-разному в разное время... Но вот на третьем этаже общежитие было всё время (40-е аудитории – А.К.), да ещё во дворе кое-какие комнаты были, а там, за теремком жил Анатолий Васильевич Чернов (он преподавал историю гос. учреждений и историю организации архивного дела). Вот теремок кончается, дальше дверь, и за ней квартира Чернова. И там же ещё кто-то из преподавателей жил.

Е.П.: А кто из преподавателей жил в институте в эти годы?

Н.Ф.: Павел Петрович (Смирнов – А.К.) жил во время войны, где он жил до этого – я не знаю. Ленинградцы, когда приехали в Москву во время блокады, тоже жили здесь, в том числе А.И. Андреев и И.Л. Маяковский. Лукомский жил где-то у знакомых...

Е.П.: Мне говорила Елена Ивановна, что Андреев жил там, где сейчас 18 или 21 аудитории, на втором этаже, как идти по направлению к кафедре.

Н.Ф.: Да, Андреев жил там, у него была большая комната по левой стороне после поворота направо от главной лестницы, вторая или третья дверь. А Маяковский тоже жил на втором этаже, только в левом коридоре от центральной лестницы, по левой стороне, первая или вторая дверь.

Е.П.: Когда Вы у нас бывали, надо было попросить Вас показать всё. Так нам, конечно, всё это теперь в деталях сложно представить. А кафедры где располагались? Кафедра вспомогательных дисциплин всегда была в теремке?

Н.Ф.: Наша была всегда в теремке. Там было очень красиво. При мне ещё даже топилась изразцовая печка... На кафедре был свой, превосходный архивчик, коллекция – пёстрая, но очень хорошая, вплоть до автографов Наполеона. Первые преподаватели кафедры многое смогли собрать.

Е.П.: А другие кафедры? Вообще, сколько в институте было кафедр тогда?

Н.Ф.: Довольно много. Истории СССР была, потом была кафедра марксизма-ленинизма, причем дверь андреевской комнаты была прямо напротив двери этой кафедры. Далее находилось большое помещение – кабинет директора института и примыкающая к нему приёмная. В ней всегда сидела Мария Ивановна Пармузина, бессменный секретарь директора. Очаровательная женщина, очень деловая, все её знали и все её очень любили... И в 1941 г., когда всё развалилось, вы знаете, это было вообще потрясающе, потому что мы 16 октября пришли что-то сдавать и обнаружили всё раскрытым настееж, причём именно настееж, директор сбегал, а Мария Ивановна сидела и одним пальцем печатала всем справки об окончании института. Мне эту справку очень жалко было, т.к. когда меня послали работать в 1942 г., у меня её отобрали. Тогда Павел Петрович Смирнов был директором института, и он не выдавал кончившим институт дипломов, пока они не поедут по распределению. И мне послали диплом уже по месту работы в Рязань... Хорошо помню именно Марию Ивановну, печатающую эти справки...

Е.П.: А ещё какие кафедры были? Николай Владимирович с самого начала был на нашей?

Н.Ф.: Он сразу пришёл на кафедру вспомогательных дисциплин. Его привёл туда Сперанский, с которым их связывала общая работа над сборником документов по истории форм труда в России XVII в. Для этого в Институте истории сформировалась группа специалистов, которая и подготовила запланированные тома, но закончилась всё печально. Президиум Академии наук распорядился прекратить эту работу и направить научные силы на изучение истории народов СССР и помощь местным научным институтам. Так, Николай Владимирович стал куратором научно-исследовательских институтов ряда народов, в том числе башкирского, коми...

Е.П.: И поэтому Вы Башкирией занялись?

Н.Ф.: Исключительно поэтому.

Е.П.: А Китаем почему, Наталия Фёдоровна?

Н.Ф.: Ну, это, знаете, уже другая история, это уже в архиве.

Е.П.: Вернёмся к институтским кафедрам...

Н.Ф.: Были и архивные кафедры – Теории и практики и Истории и организации архивного дела. Они в институте были с самого начала... Истории гос. учреждений. Там был, по-моему, Сперанский. Она не сразу была выделена. А В.В. Максаков руководил обеими архивными.

Е.П.: Елена Ивановна рассказывала так: что она пришла и первого сентября 38 года сразу была лекция Николая Владимировича.

Н.Ф.: Правильно, но я на ней не была. Я как-то позже оформилась.

Е.П.: Наталия Фёдоровна, скажите, пожалуйста, а почему Вы решили в Историко-архивный институт поступать?

Н.Ф.: Я в ИФЛИ сдавала и не прошла по конкурсу. Такая грустная история. И тогда я пошла в Историко-архивный, о чём впоследствии никогда не жалела.

Е.П.: ИФЛИ потом ведь очень быстро закрыли.

Н.Ф.: Очень быстро закрыли. Влили в МГУ. Недавно издали сборник по его истории.

Е.П.: И Вы сдавали экзамены туда?

Н.Ф.: Да. Когда сдавали экзамены, сдавали все предметы, всё на свете, включая химию и физику. Всё что можно и нельзя. Жуть какая-то была. Экзамены принимали в основном приглашённые... не «местный» преподавательский состав.

Е.П.: И в Историко-архивном какие-то приглашённые были со стороны?

Н.Ф.: Тоже много приглашённых.

Е.П.: А такие люди как Сперанский, скажем, они не участвовали в приёме вступительных экзаменов?

Н.Ф.: Не участвовали. Иногда кто-нибудь ведал приемной комиссией. В одной я даже секретарём была, когда училась в аспирантуре. А кто руководил приёмной комиссией, сейчас уже не помню.

Е.П.: Наталия Фёдоровна, а Вы закончили школу московскую?

Н.Ф.: Да, в районе Бакунинской улицы.

Е.П.: А где Вы жили?

Н.Ф.: И жила там же, рядышком. Как Вам сказать, у меня биография пёстрая очень, потому что мы постоянно переезжали, когда в 1933 г. приехали в Москву, мы жили за городом, потом по месту работы отца получили жильё в коммунальной квартире.

Е.П.: А где он работал?

Н.Ф.: Вообще-то он у меня преподаватель, но когда мы приехали, он работал в тресте Моспластмасс. А мама преподавала в школе рабочей молодёжи.

Е.П.: Она ведь закончила Бестужевские курсы в Петербурге?

Н.Ф.: Да, Бестужевские курсы.

Е.П.: А она из Петербурга сама, нет?

Н.Ф.: Нет, из-под Ливен. Она гимназию кончала в Ливнах, потом поехала в Петербург.

Е.П.: А отец учился где?

Н.Ф.: Отец учился в сельской школе, а потом воевал на Первой мировой, попал в плен. После того, как вернулся, учился на каких-то подготовительных курсах. И потом он был сельским учителем.

Е.П.: А в плену каком был, немецком или австрийском?

Н.Ф.: Немецком. Точно знаю – Шейдемулле. Причём потом с кем-то разговаривала, кто тоже был в этом же лагере, в плену. В общем, в плену условия были нормальные, даже фотографии из плена привёз, но голодные были все – кормили там плохо. Отец рассказывал очень интересные истории. Неизгладимое впечатление на него произвели пленные англичане, которые держались великолепно. И он рассказывал такую смешную

историю: немцы заставляли всех пленных утром проходить мимо немецкого знамени и отдавать ему честь. Все отдавали правой рукой, а англичане отдавали левой.

Е.П.: Наталия Фёдоровна, ну вот, Вы пришли в институт в 1938 г. А со Сперанским Вы когда познакомились? В.А. Муравьёв написал, что, мол, когда Елена Ивановна пришла в институт сдавать документы для поступления, она сразу познакомилась с Натальей Фёдоровной? Вы, кстати, помните, как Вы с ней познакомились?

Н.Ф.: Мы в одной группе учились, но мы тогда с ней не дружили... Мы как-то в разных компаниях были...

Е.П.: ...И вдруг к вам обоим подошёл какой-то человек, а это оказался Сперанский, и он стал что-то говорить вам...

Н.Ф.: Ничего подобного. Я с ним как познакомилась... Я слушала его лекции по истории гос. учреждений и по источниковедению. Великолепные были лекции. Он был, одним словом, классический профессор. Спокойный, невозмутимый...

А.К.: А чьи лекции Вы слушали по истории России?

Н.Ф.: Первые лекции читал Павел Петрович Смирнов. Он был для нас сложным. Его лекции были очень неровными, то, что ему было интересно, он читал блестяще, то, что ему было неинтересно, он более формально читал. Он читал курс истории с самого начала и далее, до XVIII в. При этом он нам рассказывал ещё очень много про Среднюю Азию (это входило в курс истории СССР – Е.П.). Так как он был в местах не столь отдалённых, он нас буквально «убивал» Средней Азией. Он хорошо знал этот материал и читал с увлечением, но для нас это было трудно. Древнюю историю нам читал Владимир Капитонович Никольский, который был великолепным лектором, очень артистичным, все его лекции проходили с аплодисментами. Причём я потом его работы по истории XVII в. видела... он, по-видимому, как-то переквалифицировался?... Древний мир он читал прекрасно. Потом, после Павла Петровича нам читала Нина Валерьяновна Бржостовская. Читала не очень... Она ведь только начинала преподавать и ещё очень волновалась.

Е.П.: А вспомогательные читал Николай Владимирович?

Н.Ф.: Николай Владимирович. Он и читал, и вёл семинары... Читал очень интересно, семинары прекрасно вёл.

Е.П.: Елена Ивановна рассказывала, что он обладал очень хорошей памятью, сразу запоминал студентов...

Н.Ф.: У него потрясающая память была. Когда ему потребовалось для повышения зарплаты знание двух языков, и он учил французский со словарём, то делал так. Если он смотрел какое-то слово в словаре один раз, то ставил против него одну точку, если два раза, то две точки и т.д. В конце работы со словарём в нём почти не встречалось слов, отмеченных более чем одной точкой. Что уж тут удивляться тому, что фамилии, имена и отчества студентов он запоминал сразу. Более того, он всегда помнил ответы или не ответы студентов на предыдущих занятиях или экзаменах. У

него была характерная форма черепа, несколько сдавленного по бокам. Интересно, что подобная же редкая «конструкция» была и у Александра Игнатьевича, хотя во всём остальном они были совершенно разными людьми. Невольно возникала мысль, что такая особенность свидетельствовала о феноменальной памяти и вообще о выдающихся способностях. Устюгов очень много знал.

Е.П.: Елена Ивановна говорила, что Апухтина он очень любил, ещё кого-то из таких, не очень известных поэтов...

Н.Ф.: Он ещё на фронте читал лекции по литературе. Он тогда был совсем молодой, черноволосый, все почему-то считали, что он грек. Это был очень нерусский тип, пока он не поседел.

А.К.: А источниковедение кто вёл?

Н.Ф.: Сперанский, и XIX век – Никифоров. Он хорошо читал. Интересно.

Е.П.: А директором института кто был?

Н.Ф.: При мне он был директором очень недолго и после публичного скандала его сняли с должности. Боюсь ошибиться с фамилией, кажется, Гулькевич. В то довоенное время состав студентов был в основном мужской, девушек было заметно меньше. Это кажется совсем непривычным, но объясняется тем, что наш институт считался «доходным», потому что тогда шла массовая сдача документов действующих учреждений в центральные архивы. При этом документы следовало передавать в полностью обработанном виде, а для служащих учреждений это было, конечно, затруднительным. Для этого ввели практику найма специалистов со стороны, среди которых были и студенты старших курсов ИАИ. Это называлось «халтурой» и по понятиям того времени хорошо оплачивалось. Обработка документов велась в не учебное время, нередко ночами. Хорошо помню такую, характерную для тех лет картину. Приходишь на лекцию, а половина курса спит. Выработался даже особый тип такого «халтурщика» – этакого зубра, человека опытного, уверенного в себе. Именно «халтурщики» были наиболее активны в общественной жизни. Задавали тон и сыграли роль заводил в истории с директором, в организации его проработок на общем собрании института, на партбюро и т.д. В чём его обвиняли – не знаю... Помню только, что его уличили в подделке документов, удостоверяющих его научное звание. А после него директором стал очень колоритный деятель, как же его звали?, в прошлом матрос, чуть ли не с «Авроры»... Читал курс истории Октябрьской революции и Гражданской войны, активным участником которых, по его словам, он являлся. Все с удовольствием записывали и цитировали «перлы», которые он щедро употреблял в своих лекциях. Например, о революционных матросах он говорил так: «кричали: "Ваньку в Советы!" (звали его Иваном), надели бушлаты на соответствующие места и пошли громить мировую буржуазию». Именно этот «герой» в октябре 1941 г. убежал из Москвы с институтской казной, бросив и институт и его студентов.

Е.П.: А потом кто был директором?

Н.Ф.: Потом институт закрыли. То есть он сам закрылся. И его восстанавливал Павел Петрович Смирнов. Всё легло на его плечи, но директором его не утвердили. Он был и.о. директора, около года в таком положении. Он всё восстанавливал из небытия: собирал преподавателей и студентов. Вернее, понимаете, когда началась война, мы кончили третий курс, и нас распустили на лето, и непонятно было, что и как, а потом был приказ собрать всех назад и летом заниматься уже по программе четвёртого курса. Причём всё было не очень ясно: преподаватели понимали, что к чему идёт, а мы совершенно не понимали. Помню Хейфец ставила всем отметки как-то так, механически.

Е.П.: А она что преподавала?

Н.Ф.: Западную историю. Очень хорошо читала, превосходно. И строгая была. По сути дела, я закончила институт весной 1942 г. Нас было в первом выпуске всего 12 человек.

Е.П.: А в начале было на курсе сколько?

Н.Ф.: Сто. В 1941 г. в ополчение ушли почти все мальчики, и большинство не вернулось. Их имена можно теперь прочитать на памятной доске.

Е.П.: А с прежних курсов уже, наверно, совсем никого не осталось, только Павленко один?

Н.Ф.: Он уже тогда был в аспирантуре.

Е.П.: Наталия Фёдоровна, расскажите о Лукомском, Ваши впечатления.

Н.Ф.: Лукомский интереснейший человек был. Он вообще был очень напуганный. У него был брат в Англии, эмигрант, а вы сами понимаете, что в те годы иметь родственников за рубежом было опасно. Они долго подерживали какие-то отношения, потом, по-моему, нет. В то же время Лукомский был человеком с большим чувством собственного достоинства. Держался не особняком, но и не был общительным. Когда наши войска начали освобождать города и освободили Лукомль, он сказал мне на ухо: «Это наша родовая вотчина». Но документами это не подтверждается. Мы специально искали в ЦГАДА. И он сам до войны ещё обратился в архив, также безуспешно. Документов нет.

Е.П.: Он считал, что они потомки Гедиминовичей.

Н.Ф.: Неизвестно. Отец его был железнодорожным служащим. Причём Лукомский во время войны носил что-то невообразимое, какой-то бушлат военный, но на внутренней стороне был вышит герб. Александр Игнатьевич задумал создать картотеку работ по вспомогательным дисциплинам, все разобрали разные издания, а у Лукомского была своя картотека, и он пытался ею ограничиться. Но Андреев всё равно требовал, чтобы Лукомский всё точно посмотрел в журналах. Александр Игнатьевич был человек немножко колючий, но очень достойный.

Е.П.: Он ведь тоже пострадал, по Академическому делу...

Н.Ф.: На нём это не отразилось. Он был совершенно спокойным и уверенным в себе. В отличие от Лукомского. Что тот испуган – было видно невооружённым глазом.

А.К.: А что Вы можете вспомнить о Бахрушине?

Н.Ф.: Я его знала по сектору в Институте истории. Николай Владимирович водил туда своих студентов, считая посещение научных докладов лучшей школой. Такой сектор был! Кого там только не было! Это был настоящий научный центр. Помню, как Бахрушин вёл заседания... Он шапочку такую носил не то академическую, не то просто тюбетейку, и он гордился, что татарского рода, подчёркивал это. Бахрушин был человеком совсем старшего поколения.

Е.П.: Наталия Фёдоровна, расскажите про Черепнина...

Н.Ф.: Лев Владимирович тоже был напуганный. Я то его помню ещё молодым, высоким и стройным. Нередко его принимали за студента, и он обижался. Он был блестящим руководителем сектора истории России периода феодализма в Институте истории. Как он заключал заседания! Это были специальные научные доклады. Заведовал он очень хорошо. Беспристрастно.

Е.П.: А Александр Игнатьевич был каким?

Н.Ф.: Александр Игнатьевич никогда не был учителем, студенческие занятия он не очень умел вести. Но производил сильное человеческое впечатление. Человек с большой буквы. Принципиальный. На кафедре он читал вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение, по моему, дипломатику. Ему было нелегко. Он приехал из Ленинграда, никаких пособий у него не было, какой-то специальной литературы в институте тогда ещё не имелось, стеклографированные лекции и всё... При этом все чувствовали его научное и человеческое значение.

Е.П.: Но вообще, конечно, потрясающе, что вот люди с нуля начинали. Сложно нам сейчас это представить, когда есть и развитие, и учебники, и всё... А тогда абсолютно с нуля надо было все курсы выстраивать.

Н.Ф.: Николай Владимирович говорил иногда, что «я не знаю, что будет у нас на следующей лекции». Всё начиналось практически с чистого листа. До этого что-то читал Н.П. Чулков, но это было очень недолго. Сперанский всё создавал заново.

А.К.: А что Вы можете сказать про Зими́на?

Н.Ф.: Мы с ним ровесники, одного года рождения. Он окончил университет, пришёл на кафедру уже сложившимся учёным, я его знала по Институту истории. Зимин очень интересный человек. Очень разносторонний. Он тоже любил стихи. Таких поэтов, современных, немножко левых, вроде Самойлова. Он был очень культурный человек. Даже трудно сказать, университет ли это, семья или всё вместе. Но у него чувствовалась большая культура домашняя. Он был человек очень увлечённый, ну и, конечно, блестящий исследователь.

Е.П.: Если вернуться к А.И. Андрееву, в 1949 г. ему ведь пришлось уйти.

Н.Ф.: Я была сначала аспиранткой Андреева, поэтому всё это проходило на моих глазах. Ну, во-первых, Андреев – единственный, кто не стал каяться в предъявляемых ему вымышленных «грехах». Все его товарищи говорили, ну что он ломается. Даже Николай Владимирович сказал, что ведь все всё понимают. Я тогда на обсуждении на кафедре не была, а бы-

ла в Институте истории. (Он находился в здании на Волхонке – Е.П.). Помню большой зал. Андреев тихо сидел в президиуме. Причём все понимали, что это «комедия», понимали, что люди говорят то, чего не думают. Тогда шла борьба с космополитизмом. Причём, когда говорили «космополитизм» подразумевали обычно сионизм, к которому Андреев никакого отношения не имел. Он попал за свою статью, где он будто бы восхищался Англией. Вспомнили и то, что он был учеником Лаппо-Данилевского... Интересно, что сын не то прачки, не то кого-то ещё, Андреев получил воспитание в культурной семье в таком английском стиле. В результате этих «проработок» Александр Игнатьевич вынужден был уйти и из Историко-архивного, и из Института истории. И его «подобрал» С.И. Вавилов, приняв в комиссию по истории Академии наук.

Е.П.: А кто был заведующим после Андреева?

Н.Ф.: Был наш бывший студент, а позднее аспирант (В. Самойлов), но, к счастью, недолго. Он старше меня на два или три курса. Непонятно, кому пришло в голову его назначить. Но этот период был очень кратковременным.

Е.П.: А как Вы поступили в аспирантуру?

Н.Ф.: Я работала в Рязани, заведовала архивом Октябрьской революции и социалистического строительства. Это было тяжёлое, голодное время. По архивам прислали приглашение в аспирантуру – на заочное отделение, в том числе и на кафедру вспомогательных исторических дисциплин. А я два года только отработала. Тем не менее удалось приехать в Москву без пропуска, тогда необходим был пропуск для въезда в город. Познакомилась с Александром Игнатьевичем, который сказал: «Зачем Вам заочная аспирантура, идите в очную», и я пошла в очную. Потом, сразу не защитившись, стала работать в РГАДА, а позднее – в Институте истории.

Е.П.: Вы, наверно, самый старейший из сотрудников РГАДА?

Н.Ф.: Да, пожалуй, и ещё Наталья Петровна Воскобойникова.

А.К.: Может быть Вы вспомните что-нибудь об организации работы Историко-архивного института?

Н.Ф.: Когда мы пришли, институт был уже на ногах. Были мощные партийная и комсомольская организации.

А.К.: Ходили ли на лекции какие-то инспекторы, иные контролирующие работники, например, из комсомола?

Н.Ф.: Я бы не сказала, что слишком. Не было особого контроля, во всяком случае, он был незаметен. Причём был очень взрослый состав. Старшие курсы, они в общем как-то задавали тон. Дело того самого бедного директора рассматривала даже не комсомольская организация, а общее собрание.

Е.П.: Вот ещё Иван Филиппович Колесников... Наверно, Вы его помните?

Н.Ф.: С Колесниковым я не имела дела. Его Наталья Петровна знает. Вспоминали о нём очень хорошо. Вообще кафедра была великолепная. Александр Игнатьевич очень серьёзно отнёсся к этому и начал собирать

людей. Упорно искал и привлекал нужных специалистов. Одно преподавателя (по советскому периоду) он даже пытался выписать из Горького, зная его по работам. А потом оказалось, что тот уже в Москве.

Е.П.: А языки древние ведь тоже были на нашей кафедре?

Н.Ф.: Факультативно. Латынь, древнерусский, тоже был факультативно. Преподавание латыни было при мне (был такой латинист, настоящий...), но очень недолго. Греческого, по-моему, даже и не было. Латынь же как-то очень быстро закончилась. Даже непонятно, почему греческого не было. Николай Владимирович знал греческий, он окончил духовную семинарию в Оренбурге. Он ведь, вообще же, из Башкирии, но потом заканчивал Московский университет, они с Львом Владимировичем учились вместе. У Устюгова непростая была жизнь. После революции его отец стал священником, и Николаю Владимировичу сложно было жить в сталинские годы. Они в семье отца очень уважали.

Е.П.: Значит, Устюгов вышел из духовного сословия, Сперанский тоже из духовной среды...

Н.Ф.: Да, Александр Игнатьевич только был как бы из «пролетариев» (как он говорил, я – «сын прачки»), но выглядел не очень «пролетарски»... Конечно, всё это были очень яркие, неординарные личности.

Е.П.: Спасибо Вам, Наталия Фёдоровна, за очень интересный рассказ.